

УДК 323

Давыдов Дмитрий Александрович
аспирант Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. Email: davydovdmitriy90@gmail.com

ИДЕОЛОГИЯ УМЕРЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ: ПУБЛИЧНЫЙ КАПИТАЛ КАК КОНЦЕПТ¹

Автор обращается к критической рефлексии капиталистического общества. Современность – это время глобальных рисков и катастроф, одну из причин которых стоит искать в психологии консьюмеризма. По мнению автора, на вызовы современности можно реагировать двумя способами: либо стремиться преодолеть капитализм как таковой, либо апеллировать к уже существующей модели мышления, в которой единственным приемлемым аргументом выступает индивидуализированная полезность. Здесь примечательна теория социального капитала, рассматривающая социум в модусе выгод, извлекаемых индивидами из социальных отношений. Термин «социальный капитал», на взгляд автора, может являться концептом, обрамляющим вектор практического действия, способного заключаться в попытке преодолеть нарастающую атомизацию общества. Тем не менее автор находит ряд уязвимостей теории социального капитала перед критикой психологии консьюмеризма, что побуждает пересмотреть и дополнить данную теорию новым концептом публичного капитала. Если понятие социального капитала зачастую подразумевает совокупность локальных (персональных) выгод, извлекаемых индивидами из социальных интеракций, то сущность публичного капитала – в критическом переосмыслении этих «локальных выгод», зачастую являющихся источником глобальных рисков.

Ключевые слова: общество потребления, публичный капитал, социальный капитал.

На рубеже XIX–XX вв. классик социологической мысли Ф. Тённис описывал процесс перехода традиционного общества к модерну. Согласно его теории, данный процесс характеризовался тем, что всякая «сокровенная, доверительная, исключительная совместная жизнь», основывавшаяся на экзистенциальной близости к той или иной общине, постепенно заменялась временностью и фиктивностью договорных отношений, выстраиваемых «калькулирующими» свои выгоды и издержки независимыми индивидами [23, с. 3-127].

В теории Тённиса речь идет о влиянии *капитализма* на общественные отношения. Стоит отметить, что здесь он оказался един во взглядах с Г. Зиммелем: товарно-денежные отношения не имеют конкретного *места*, так как деньги становятся универсальным фактором обмена.

Сегодня идеи Ф. Тённиса не теряют своей актуальности. Современное общество становится все более *индивидуализированным* и мобильным.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества» (проект № 12-Т-6-1002).

У. Бек замечает: «На фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий ... люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя» [2].

Теория З. Баумана дополняет тезис Бека об индивидуализации указанием на «текучесть» современного капитала: «капитал может путешествовать быстро и налегке, и его подвижность превратилась в главный источник неуверенности для всех остальных» [1, с. 132]. Индивиды не стремятся поддерживать устойчивые социальные связи, так как выгодна динамика, которой можно добиться лишь *в одиночку*. Поэтому любая «сеть социальных обязательств, особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути» [1, с. 21].

Таким образом, индивидуализация – процесс противоречивый. Ф. Тённис, например, критикует капиталистическое общество как общество эгоистов. «Чем более ярко выраженным эгоистом является человек, тем *равнодушнее* он к благополучию и горю других; до их бед ему непосредственно столь же мало дела, что и до их счастья» [23, с. 180].

Согласно А. Турену, «сейчас мы живем в обществах производства или трансформации, действительно вечно изменяющихся обществах, которые никогда не стабилизируются в институциональном социальном порядке. Это ведет к распространению явления, разрушившего нормативную систему и вызвавшего у индивидов ощущение потери почвы...» [24, с. 51].

По З. Бауману, «индивидууму уже предоставлена вся свобода, о которой он мог мечтать и на которую он мог разумно надеяться», однако «риски и противоречия по-прежнему генерируются обществом; индивидуализированы лишь обязанность и необходимость справляться с ними», поэтому «в приятном снадобье свободы есть отвратительная муха бессилия» [1, с. 29, 42].

Проблемы современного общества осознают даже те, кто настроен оптимистично. В данной связи нам небезынтересна *теория социального капитала* постольку, поскольку ее авторы, освещая проблемы современного западного мира, остаются в «системе координат» капитализма. Авторы теории социального капитала выстраивают такие концептуальные схемы, в которых нормативные аспекты социального теоретизирования сочетаются с логикой экономического обмена: нечто социальное представляется в виде *экономического ресурса*. Мы отчасти согласимся с этим, однако существует ряд феноменов, которые не затрагиваются теорией социального капитала, что оставляет позиции теории социального капитала в уязвимости перед радикальной критикой.

Теория социального капитала получила развитие в трудах таких ученых, как П. Бурдьё, Дж. Коулмен, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма и др. Социальный капитал, по Бурдьё, «представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (*lasting networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала

(collectively owned capital), репутации (credential), позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [6, с. 66].

По Коулмену, «социальный капитал включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: во-первых, они состоят из нескольких социальных структур, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [13, с. 126].

Р. Патнэм считает, что социальный капитал «относится к особенностям социальных организаций, таких как сети, нормы, доверие, которые облегчают координацию при достижении взаимных выгод» [33, с. 67]. Похожую мысль излагает Ф. Фукуяма: «...социальный капитал можно разделить просто как набор социальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [30, с. 30].

Некоторые интерпретаторы считают теорию социального капитала (ее нормативную часть) преемницей критических теорий «массового общества» [34]. То есть в центре внимания многих теоретиков социального капитала стоит проблема снижения сплоченности в современном обществе.

Одним из самых популярных (и критикуемых) авторов в данной области является Р. Патнэм. В статье «Боулинг в одиночку» (1995) он заметил снижение степени доверия граждан США как друг к другу (generalized trust), так и к органам публичной власти. Он замечает, что процент американцев, доверяющих правительству в Вашингтоне «лишь время от времени», либо «практически никогда», вырос примерно с 30% в 1966 г. до 75% в 1992 г. [33, с. 68]. Но больше всего Патнэма интересует вопрос о снижении численности добровольных гражданских ассоциаций¹ [19].

Схожую позицию социального критицизма занимает Ф. Фукуяма. Он пишет: «...культура радикального индивидуализма способствует прогрессу и инновациям, но ... она распространилась и в сфере социальных норм, где в сущности привела к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скреплявших семьи, соседей и нации» [30, с. 15]. И «хотя нет данных, подтверждающих, что люди стали меньше общаться, их взаимные связи имеют тенденцию становиться менее постоянными, налагающими меньше обязательств и включающими меньшее количество участников» [30, с. 13]. Фукуяма на основании обширного эмпирического материала (за период с конца 50-х до середины 90-х гг. XX в. в США) отмечает рост преступности и снижение уровня рождаемости за весь период, что объясняется, по его мнению, деградацией семейных ценностей [30, с. 45-112].

---

¹ Как известно, Патнэм является приверженцем коммунитаризма – идейного течения, берущего начало в идеях А. де Токвиля о гражданском обществе как источнике экономического благополучия США, достигаемого за счет демократического контроля государства со стороны общественности.

Как мы отметили выше, теоретики социального капитала смотрят на реалии капиталистической системы с определенной долей оптимизма. Это объясняется структурой их логики, направленной скорее на умеренную рефлексию, нежели кардинальный пересмотр существующих взглядов.

Дж. Коулмен, например, утверждает, что при нефункционирующих социальных нормах внешняя среда становится непредсказуемой и полной рисков [13]. Как замечает Дж. Ритцер, в социологической теории рационального выбора, приверженцем которой является Коулмен, «субъекты рассматриваются с позиции максимизации полезности, возрастающей благодаря частичной уступке прав контроля над самим собой и получению частичного контроля над другими»; причем «поскольку передача контроля не является односторонней, то в случае с нормами равновесие не нарушается» [21, с. 350].

Таким образом, процесс конструирования социальных норм вовсе не противоречит модели современного экономического субъекта, но напротив, следует его логике.

Ф. Фукуяма отмечает, что нечто подобное наблюдаемому сегодня, уже происходило в период индустриальной революции: «...нельзя не заметить, что период с конца XVIII в. до середины XIX в. был временем возросшего морального разложения..., но потом, с каждым десятилетием, начиная с середины столетия и до его конца, практически все социальные показатели начали демонстрировать позитивную динамику: уровень преступности упал, укрепилась семья, алкоголики перестали пить, появились новые добровольные ассоциации, дающие людям ощущение принадлежности к социальной общине» [30, с. 17].

«Апокалиптическая» точка зрения об индивидуализации как возможном источнике неизбежного экзистенциального кризиса кажется Ф. Фукуяме преждевременной. Человек, по его суждению, есть существо социальное. «Мы, – говорит он, – стремимся создавать новые нормы, чтобы заменить ими те, которые обесценились» [30, с. 193], «ибо насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого» [29, с. 20].

Тем не менее теория социального капитала, на наш взгляд, не учитывает проблемы, связанные с психологией потребления. Как мы уже отмечали ранее [10], потребитель не стремится к поиску максимально благоприятных решений. По Саймону, рациональные агенты преследуют не максимально полезные, а *удовлетворительные* решения, руководствуясь принципом достаточности [22]. Следовательно, «простые, но вредные» альтернативы становятся привлекательней «сложных, но перспективных».

Черты общества потребления лаконично описывает С. Жижек: «...до современности мы имеем дело с открытой оппозицией между умеренным потреблением и его избытком (обжорство и т.д.); при капитализме избыток (потребление “бесполезных вещей”) становится правилом» [12]. Отсюда вытекает множество рисков. Как говорит Э. Гидденс, мы живем в мире, где «опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и бо-

лее серьезны, чем те, что приходят к нам извне. Некоторые из них носят по-настоящему катастрофический характер, как например глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики» [9, с. 50-51].

Причина этих рисков – не заговоры капиталистов-промышленников, а соответствующий спрос со стороны рядовых потребителей. Мир изобилия потребительских товаров есть мир идеализированных образов чистоты, порядка и фальшивой предсказуемости. В одном из своих видеовыступлений С. Жижек, гуляя по огромной свалке, говорит о том, что «часть нашего повседневного восприятия реальности в том, что все это (свалка) исчезает из нашего мира» [11]. Некая ширма отгораживает потребителей от настоящей реальности.

Происходит инверсия: потребляя больше и больше, индивиды сами того не подозревая, плодят для себя проблемы в виде стихийных бедствий, вызванных процессами глобального потепления, или отходов, которые скапливаются в грунтовых водах, а затем проникают в жилые дома в виде «питьевой» воды.

Дж. Ритцер показывает, как локальное стремление к насыщению в итоге оборачивается глобальными рисками на примере индустрии фаст-фуда. Он отмечает опасность, исходящую «от содержимого большей части фаст-фуда: много жира, холестерина, соли и сахара. Такая еда – последнее, что нужно американцам, многие из которых страдают от ожирения, высокого уровня холестерина, высокого давления и диабета» [20, с. 367].

Текст Ритцера примечателен еще и тем, что показывает глобальную «связанность» рисков. Ритцер обвиняет «Макдональдс» и в экологических бедах: «Ежегодно одному только “Макдональдсу” приносятся в жертву бесчисленные квадратные километры лесов, необходимых для производства картона...»; «практически неуничтожаемый пенопласт скапливается на свалках, образуя настоящие горы, которые не исчезнут еще многие годы, если вообще когда-нибудь это произойдет» [20, с. 367].

В то время как перед обществом стоит множество экзистенциальных проблем, современность характеризуется скорее моральным коллапсом, нежели вовлеченностью в обсуждение глобальных рисков.

Данный факт можно продемонстрировать на примере массовых медиа. Так, Г. Леманн пишет: «...система медиа следует своему собственному кодексу и информирует общество не об общественно важных темах, но своим информационным потоком задает формат потребления развлечений и образов и организует информацию только в ответ на интересы населения ... в функциональной системе выработался системный лоббизм, который настраивает само общество против собственных интересов» [14, с. 93]. В контексте слов Леманна актуален тезис Дж. Нейсбита: «отрицая реальность экранного изображения, мы регулярно позволяем себе и нашим детям... поглощать леденящее душу насилие, а потом испытываем потрясение, когда какой-нибудь ребенок открывает огонь по своим одноклассникам» [17, с. 21].

Эти примеры схожи в том, что в них подчеркивается общая логика индивидуальных рациональных калькуляций. Наступает эра «прозрачности зла» [4], когда зло прячется за маской добра (потребление). Как пишет Ж. Бодрийяр, «потребление прежде всего направлено на разговор с самим собой, и оно имеет тенденцию исчерпываться этим минимальным общением вместе с его удовольствиями и разочарованиями» [3, с. 116]. Более того, «за потребителями признают суверенность, лишь бы они не стремились в качестве таковых действовать на общественной сцене... Общество, общественное мнение – это потребители, лишь бы они удовлетворялись потреблением» [3, с. 116]. СМИ и маркетинг, в свою очередь, усугубляют ситуацию, манипулируя поведением индивидов по своему усмотрению.

Вернемся к теории социального капитала. Его теоретики остаются в рамках капиталистической логики, но упускают причинно-следственную связь между глобальными рисками и психологией потребления.

Дж. Коулмен заостряет внимание на такой форме социального капитала, как социальные нормы. Они конструируются ради снижения трансакционных издержек и непредсказуемости внешней среды [31]. Р. Патнэм видит источник социального капитала в основном в социальных связях [33]. Для Ф. Фукуямы наиболее существенной формой социального капитала является доверие [29].

Но все эти формы *не* исключают, а напротив, гармонично укладываются в логику обмена, происходящего между свободными агентами. Даже если некоторые формы социального капитала не производятся в рамках рыночных отношений, а создаются эмоциями альтруизма и сопричастности (это допустимо даже в теории Коулмена), ключевая идея остается той же: эмоции рассматриваются в контексте *выгод*, извлекаемых отдельными индивидами.

Иными словами, теория социального капитала попросту не в состоянии критически переосмыслить эпицентр всех проблем, так как не выходит за пределы рыночной логики обмена: в допущениях теоретиков социального капитала нет ничего *противостоящего* психологии консьюмеризма, когда в реальности рациональные агенты ведут себя не как максимизаторы полезности и инвесторы в социальный капитал, а как потребители, которых заботит лишь пространство «здесь и сейчас».

Данная ситуация раскрывает уязвимость мысли, возлагающей надежды на внутренние трансформации капиталистической системы. Следовательно, на пустующее место приходит радикальная критическая теория. Авторы данной теории видят в капитализме экзистенциального «врага».

В.С. Мартянов, например, отмечает, что в современном мире индивиды становятся уязвимыми от политических манипуляций, основывающихся на обещаниях новых удовольствий. Это напоминает зависимость от наркотика. «...“демократическое большинство”, – пишет Мартянов, –

готово поступиться скорее политическими свободами, чем достигнутым уровнем комфорта и обеспеченности» [16, с. 161]. С данным утверждением согласен Л.Г. Фишман, считающий, что современный человек «больше не критикует наличный порядок... (и) не отягощает себя суетными мечтами о совершенствовании общества, он забрался на вершину истории и наслаждается этим» [28, с. 414].

Умеренных путей выхода из «кризиса капитализма» данные авторы не находят, так как «вылечить (такое) общество можно только поставив его на грань жизни и смерти, через смертельную болезнь, которая как ничто провоцирует волю к жизни, отход от ставшей для общества губительной нормы». Имеет смысл говорить «только о радикальном освобождении, которое, уничтожая запреты, стандарты, стереотипы, уничтожает одновременно и желания, выросшие как их удовлетворения, так и нарушения» [16, с. 176].

Значит ли это, что оптимистический прогноз не имеет никаких оснований? Мы считаем, что делать выводы о крахе капитализма пока не стоит, так как современный субъект таит в себе как причину собственной болезни, так и потенциальную возможность излечения. Рассмотрение капиталистической системы в качестве «врага» не представляется нам дальновидным решением, так как призыв к слову капитализма должен иметь под собой какие-либо основания. Стремление разрушать зачастую не сочетается с обоснованием реальных альтернатив разрушаемых объектов.

История показывает, что те проекты (нацизм и коммунизм), которые ставили целью создание «нового человека», оборачивались колоссальными фиаско. Антикапиталистическая риторика покоится на наивной вере, что природа человека гибка и что ее можно изменить. Конечно, западное общество не всегда состояло из *homo economicus*. Вопрос должен быть поставлен иначе: можно ли вернуть все на прежние места, можно ли тех, кто живет в мире науки и высоких технологий, тех, кто научился мыслить рационально и наконец тех, кто научился потреблять, вновь вернуть (мирным образом) в традиционное общество? На наш взгляд, ответ здесь однозначен – нет. Если же былое не вернуть, то имеет ли смысл надеяться на ничем не подтвержденные выдумки о *современном* обществе вне капитала? Смысл в надежде, конечно, есть. Но надежда и конкретные деструктивные действия – совершенно разные вещи.

Маловероятно, что потребляющее большинство способно к критической рефлексии негативных последствий потребления. Однако это еще не значит, что справиться с глобальными проблемами невозможно, находясь в рамках капиталистической системы. На наш взгляд, там, где есть потребляющее большинство, всегда находится *рефлексирующее меньшинство* – элиты. В нашей схеме особую роль приобретает мыслящая в экономических терминах *интеллектуальная элита*.

Как замечает Л.А. Фадеева, представители интеллектуальной элиты во все времена выносили горячие проблемы на широкое публичное обсуждение [26]. Она пишет: «...в условиях глобализации интеллектуалы

озабочены тем, как совместить современное общество мегарисков с идеальным образом глобального человечества, охваченного общим духом солидарности и гуманизма, а также о том, как сохранить культурную самобытность и культурные ценности» [27, с. 43].

Мы можем предположить, что усилия интеллектуальной элиты могут быть направлены не на слом основ капиталистической системы, а на построение критического видения потребительской модели мышления, разоблачающей ее в тех уязвимых местах, где возникают глобальные риски. Это, разумеется, может выливаться в акты протеста, но протеста не радикального, а *консервативного*, нацеленного на защиту капиталистической системы от ее собственных изъянов.

Примечательно то, что в современной политической философии не существует такого концепта¹, который бы *сочетал* в себе критику общества потребления с консервативной идеологией. Последняя в современном виде, как ее описывает С. Хантингтон [32], связана с преодолением угроз, стоящих перед уже существующим порядком, причем неважно, что составляет ядро такого порядка (это может быть, например, и укоренившаяся в коллективном сознании система либеральных ценностей).

Здесь, конечно, можно попытаться сослаться на *теорию рефлексивной модернизации*, однако ее авторы, У. Бек и Э. Гидденс, упускают из виду критику общества потребления, возлагая надежды на отдельных индивидов [2; 8]. Как мы показали выше, эти надежды тщетны, если учесть тезисы Г. Саймона об ограниченной рациональности. На наш взгляд, если и существует способ внутрисистемного преодоления возникших рисков, то вряд ли его можно связать со спокойным движением в логике рыночного обмена. Экономические блага от рефлексивного действия не очевидны для потребителя, поэтому необходимо говорить о *диалектической борьбе*, ведущей силой которой становятся те, кто сумеет *возвыситься над соблазнами простого потребления*.

Итак, мы приходим к необходимости ввести в тезаурус социальных наук новый концепт – «публичный капитал»². Что означает сей термин? На наш взгляд, публичный капитал состоит из коллективно разделяемых норм и ценностей, которые могут быть охарактеризованы, как а) *рефлексивные*; б) *элитарные* (формируются противостоящим большинству меньшинством); в) *консервативные* по своим смысловым коннотациям (ориентированы на уже существующие механизмы преодоления про-

---

¹ Относительно определения термина «концепт» мы согласны с В.П. Макаренко, для которого «концепт предельно субъектен и предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализирует смыслы в ответах на вопросы и рождает диспут; память и воображение; направленность на понимание здесь и теперь; синтез способностей души: как акт памяти концепт ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее» [15].

² Термин «публичный капитал» не стоит путать с термином «политический капитал», введенным в академический тезаурус П. Бурдьё. Согласно Бурдьё, политический капитал – это своего рода символический ресурс политической борьбы [5].

блем); г) претендующие на статус *универсальной истины* (глобальная проблема – глобальное решение); д) *антииндивидуалистские* (отказ от части индивидуальных интересов в пользу интереса актуального для всех в равной степени).

Созидать публичный капитал могут представители самых разных слоев социума: политики, идеологи и активисты социальных движений (сюда можно отнести, к примеру, природоохранные организации «Greenpeace», WWF и т.д.), деятели искусств, ученые и инженеры (многие из которых, конечно же, сталкивались и будут сталкиваться с проблемой финансирования своих перспективных и не всегда очевидных для потребителей проектов (биотопливо, технологии утилизации, экологически чистые материалы и т.д., и т.п.), социальные теоретики и философы. Нам ближе именно социальная теория. В трудах таких авторов, как Дж. Нейсбит [17], Дж. Ритцер [20], Ф. Фукуяма [29; 30] и др., зачастую открыто критикуется консьюмеристская модель общества, однако настрой данных авторов остается *консервативным*. Никто из них не настаивает на немедленной деструкции капиталистической системы.

Смысл публичного капитала как концепта, на наш взгляд, заключается в привнесении новых коннотаций в уже существующие интерпретационные схемы. Так, например, если мы желаем инвестировать в публичный капитал, то для нас нет смысла полагаться на отдельных индивидов, но есть повод развивать экспертные сообщества. Модель демократии работает не всегда, поэтому стоит «вживлять» в нее элементы диалектики – политика является сферой убеждения пассивных масс к активному действию. В свою очередь, целью критики консьюмеризма является стремление к публичному благу, а потому критика – это часть капиталистической субъективности (при условии ее конструктивности и диалогичности).

Критикуя консьюмеризм, мы сознательно или бессознательно желаем, чтобы эта критика отразилась на экономике. Тогда можно озадачить себя целью достичь максимума общественных благ, стремясь к положительной разнице между издержками социальной рефлексии (перераспределение средств) и экономическими *выгодами* от преодоления глобальных рисков.

При этом мы не согласимся с тем, что идея публичного капитала вступает в противоречие с идеей капитализма, мыслимого лишь при бесконечном росте уровня потребления. По И. Валлерстайну, «капитализм представляет собой систему, насущная потребность которой заключается в расширении... совокупного производства... и собственных географических пределов» [7, с. 107]. Однако мы не говорим, что экономический рост нужно остановить. Напротив, этот рост необходим, но он должен быть *контролируемым*. Тем более, что в некоторых случаях *рост одного из секторов экономики может не усиливать, а напротив, разрешать глобальные проблемы*. Например развитие технологии электронных книг сокращает производство бумажных экземпляров, что сокращает объемы вырубки лесов. Проблема в том, что способность рыночной экономики за-

живлять собственные раны может быть переоценена, что говорит о необходимости *сознательного регулирования*.

Эффект публичного капитала также неразрывно связан с *политической мобилизацией*, так как массы, даже если их убедить в необходимости политического действия, не перестанут быть массами. М. Олсон в труде «Логика коллективного действия» показал, что тенденция к укрупнению ассоциаций рациональных агентов сопровождается тенденцией к росту числа «безбилетников» – тех, кто рассчитывает на бесплатную «долю пирога» [18]. Следовательно, необходимо нечто *большее*, чем популяризация – конкретные действия, направленные на *организацию* общественных движений под флагом тех или иных ценностей.

Ценности же, которые являются связующим звеном публичного капитала, *антидеструктивны*. Важно помнить – опасность исходит как от необузданного потребления и эгоистического индивидуализма, так и от антикапиталистического фундаментализма. Э. Тоффлер описывает пример абсолютно аморальных действий тех, кто причисляет себя к защитникам природного естества. Так, Тоффлер пишет: «Тед Качински в 1990-х гг. убил троих и ранил 23 человека, заставляя публиковать свои пространственные диаграммы против науки и технологии, в противном случае угрожая убить еще больше людей» [25, с. 195].

Иными словами, обращение к концепту публичного капитала не влечет за собой веру в безграничные возможности свободного рынка, но этот концепт также не отсылает к радикальной критике. Данный факт должен учитываться при измерении публичного капитала: если концентрировать внимание на исследованиях дискурсивного пространства, то велик шанс спутать умеренную рефлекссию с антикапиталистической риторикой.

Зачастую чрезмерное желание избавиться от рисков само по себе есть риск. К тому же необходимо ясно различать риски реальные от рисков фиктивных. Это еще один довод в пользу допущения об элитарности публичного капитала, так как массовизация критического дискурса неизбежно ведет к его радикализации и искажению фактов. Э. Тоффлер приводит такой пример: «...экоэкстремисты в Европе сливаются в СМИ сенсационные истерии о “пище Франкенштейна” и входят в альянс с европейскими протекционистски настроенными правительствами, требуя наложить эмбарго на американский продовольственный импорт. Несмотря на кризис, угрожающий массовым голодом в Зимбабве, некоторые европейские страны оказывают давление на правительство этой страны, под угрозой торговых санкций требуя отказаться от продовольственной помощи, посылаемой туда Соединенными Штатами, на том основании, что поставляемые продукты являются генетически модифицированными. А между тем Джеймс Моррис, исполнительный директор Всемирной программы пищевых продуктов ООН, заявил африканским правительствам, что “генетически модифицированная кукуруза употреблялась в пищу буквально миллиарды раз, и никаких отрицательных эффектов не наблюдалось...”» [25, с. 194].

Итак, под публичным капиталом мы понимаем *рефлексивные* нормы и ценности, разделяемые теми, кто стремится к достижению баланса между частным и публичным благом. В то время как теория социального капитала во многих версиях сфокусирована на персональных (локальных) выгодах, извлекаемых индивидами из социальных интеракций, обращение к концепту публичного капитала связано с *критикой* этих «локальных благ», переизбыток которых часто приводит к глобальным рискам. Публичный капитал как концепт а) настраивает на определенный скептицизм по отношению к вере в отдельного индивида, якобы способного осознавать последствия потребления; б) ориентирует на попытку *внутрисистемного* преодоления глобальных рисков в рамках капиталистической системы так, чтобы в итоге пространство потребления не сужалось, а расширялось – в том числе и в виде ширящегося перечня общественных благ (на этом уровне ничто не противоречит логике модернового субъекта).

Тем не менее значимость данного концепта не в наивном оптимизме, будто бы решение всех проблем встроено в уже существующую модель субъективности. Напротив, мы акцентируем внимание на *проблеме*, а также на рассмотрении ее сквозь совокупность мировоззренческих «линз», специфику возможных действий. Современный субъект таит в себе лишь *потенциал* борьбы с собственными болезнями.

Проблема общественного здоровья, вызываемая популярностью сетей фаст-фуда, является примером. Протест против мирового распространения сетей фаст-фуда приведет к борьбе с минутными желаниями. Но это в итоге должно положительным образом сказаться на перспективах потребления в будущем. Выбор состоит из двух альтернатив: либо позволить сетям фаст-фуда по-прежнему отравлять общественное здоровье, либо посредством публичного действия выступить против сложившейся ситуации, ибо перспектива постоянного стремления к быстрому насыщению оборачивается утратой будущего и соответственно способности потреблять.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бауман З. Текучая современность. М. : Питер, 2008. 240 с.
2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну [Электронный ресурс]. URL: www.azbuk.net/books/2041/6859.rtf (дата обращения: 03.05.2013).
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика : Культур. революция, 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросовет, 2000. 258 с.
5. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2005. 288 с.
6. Бурдьё П. Формы капитала // Эконом. социология. 2002. Т. 5, № 3. С. 60-74.
7. Валлерстайн И. Конец западного мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2004. 368 с.
8. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
9. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
10. Давыдов Д.А. Борьба за идентичность? Теоретическая рефлексия эпохи модерн // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология. 2013. № 3. С. 169-179.
11. Жижек С. Славой Жижек об экологии в фильме «Исследовать жизнь» [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=gFDZYQKuM_c (дата обращения: 03.05.2013).

12. *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. М. : Ad Marginem, 2003. 253 с.
13. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // ОНС : Обществ. науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.
14. *Леманн Г.* Искусство рефлексивной модерности // Логос. 2010. № 4. С. 87-108.
15. *Макаренко В.П.* Политическая концептология: первые разработки [Электронный ресурс] // Полит. концептология. 2009. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/124/> (дата обращения: 03.05.2013).
16. *Мартьянов В.С.* Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализующемся мире. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 359 с.
17. *Нейсбит Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М. : АСТ ; Транзиткнига, 2005. 381 с.
18. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М. : Фонд Эконом. инициативы, 1995. 165 с.
19. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 288 с.
20. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. М. : Праксис, 2011. 592 с.
21. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
22. *Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. № 3. С. 16-38.
23. *Тённис Ф.* Общность и общество. СПб. : В. Даль, 2002. 450 с.
24. *Турен А.* Социальные изменения двадцатого столетия // Социолог. обозрение. 2002. Т. 2, № 4. С. 49-54.
25. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство: Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ПРОФИЗДАТ, 2008. 569 с.
26. *Фадеева Л.А.* Интеллектуалы в борьбе за идентичность [Электронный ресурс] // Сайт кафедры политических наук ПГНИУ. URL: http://www.polit.psu.ru/identichnost_publicacii.htm (дата обращения: 03.05.2013).
27. *Фадеева Л.А.* Противоречивое сообщество: интеллигенция, интеллектуалы, «образованный класс» // Вест. Перм. ун-та. Сер. Политология. 2008. № 2(4). С. 30-45.
28. *Фишман Л.Г.* Исчезает ли мораль? // Восстание обреченных: заметки о политической логике пост-Модерна // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 408-418.
29. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ : Ермак, 2004. 730 с.
30. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М. : АСТ : Ермак, 2004. 474 с.
31. *Coleman J.S.* Vision of Sociology // Society. Vol. 32, № 1. P. 29-34.
32. *Huntington S.P.* Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. 51, № 2. P. 454-473.
33. *Putnam R. D.* Bowling alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 65-75.
34. *Thomson I. T.* The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital // Sociological Forum. 2005. Vol. 20, № 3. P. 421-448.

Материал поступил в редколлегию 11.11.2013 г.

Dmitry A. Davydov, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

CONSERVATIVE REFLECTION IDEOLOGY: PUBLIC CAPITAL AS A CONCEPT

Abstract: The author refers to the critical reflection of capitalist society. Modernity is the time of global risks and disasters, the cause of which can be found in the model of rational subject. According to the author, there are two ways of overcoming it: to destroy capitalism as such, or (over against) to operate existing subjectivity model, in which individual utility becomes the only acceptable argument. Social capital theory is notable here through considering society in the mode of benefits derived by individuals from social relations. "Social capital" term, to our opinion, can be the concept framing possible vector of practical action – an attempt to overcome the increasing atomization of society. However, the author finds a number of conceptual vulnerabilities of social capital theory which are connected to the radical anti-capitalist theory criticism. This encourages us to revise and expand social capital theory by a new concept – «public capital». Social capital often implies local (personal) benefits derived from social interactions, but the nature of public capital is in critical rethinking of these "local benefits", which are often becomes a source of global risks.

Keywords: consumer society, public capital, social capital.

The transliteration of the list of literature (from the cirillic to the latin symbols) is submitted below

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Bauman Z.* Tekuchaja sovremennost'. M. : Piter, 2008. 240 s.
2. *Bek U.* Obshhestvo riska na puti k drugomu modernu [Jelektronnyj resurs]. URL: www.azbuk.net/books/2041/6859.rtf (data obrashhenija: 03.05.2013).
3. *Bodrijar Zh.* Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury. M. : Respublika ; Kul'tur. revoljucija, 2006. 269 s.
4. *Bodrijar Zh.* Prozrachnost' zla. M. : Dobrosovjet, 2000. 258 s.
5. *Burd'e P.* Sociologija social'nogo prostranstva. SPb. : Aletejija, 2005. 288 s.
6. *Burd'e P.* Formy kapitala // Jekonom. sociologija. 2002. T. 5, № 3. S. 60-74.
7. *Vallerstajin I.* Konec zapadnogo mira: Sociologija XXI veka. M.: Logos, 2004. 368 s.
8. *Giddens Je.* Posledstvija sovremennosti. M. : Praksis, 2011. 352 s.
9. *Giddens Je.* Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. M. : Ves' mir, 2004. 120 s.
10. *Davydov D.A.* Bor'ba za identichnost'? Teoreticheskaja refleksija jepohi modern // Vestn. Perm. un-ta. Ser. Politologija. 2013. № 3. S. 169-179.
11. *Zhizhek S.* Slavoj Zhizhek ob jekologii v fil'me «Issledovat' zhizn'» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=gFDZYQKyM_c (data obrashhenija: 03.05.2013).
12. *Zhizhek S.* 13 opytov o Lenine. M. : Ad Marginem, 2003. 253 s.
13. *Koulmen Dzh.* Kapital social'nyj i chelovecheskij // Obshhestv. nauki i sovremennost'. 2001. № 3. S. 121-139.
14. *Lemann G.* Iskusstvo refleksivnoj modernosti // Logos. 2010. № 4. S. 87-108.
15. *Makarenko V.P.* Politicheskaja konceptologija: pervye razrabotki [Jelektronnyj resurs] // Polit. konceptologija. 2009. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/124/> (data obrashhenija: 03.05.2013).
16. *Mart'janov V.S.* Politicheskij proekt Moderna. Ot mirojekonomiki k miropolitike: strategija Rossii v globalizujushhemsja mire. M. : Ros. polit. jencikl. (ROSSPJeN), 2010. 359 s.
17. *Nejsbit Dzh.* Vysokaja tehnologija, glubokaja gumannost': Tehnologii i nashi poiski smysla. M. : AST : Tranzitkniga, 2005. 381 s.

18. *Olson M.* Logika kolektivnyh dejstvij: Obshhestvennye blaga i teorija grupp. M. : Fond Jekonom. iniciativy, 1995. 165 s.
19. *Patnjem R.* Chtoby demokratija srabotala: Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii. M. : Ad Marginem, 1996. 288 s.
20. *Ritcer Dzh.* Makdonal'dizacija obshhestva 5. M. : Praksis, 2011. 592 s.
21. *Ritcer Dzh.* Sovremennye sociologicheskie teorii. SPb. : Piter, 2002. 688 s.
22. *Sajmon G.* Racional'nost' kak process i produkt myshlenija // Thesis. 1993. № 3. S. 16-38.
23. *Tjonnis F.* Obshhnost' i obshhestvo. SPb. : V. Dal', 2002. 450 s.
24. *Turen A.* Social'nye izmenenija dvadcatogo stoletija // Sociolog. obozrenie. 2002. T. 2, № 4. S. 49-54.
25. *Toffler Je., Toffler H.* Revoljucionnoe bogatstvo: Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn'. M. : AST : AST MOSKVA : PROFIZDAT, 2008. 569 s.
26. *Fadeeva L.A.* Intellektualy v bor'be za identichnost' // Sajt kafedry politicheskikh nauk PGNIU [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.polit.psu.ru/identichnost_publicacii.htm (data obrashhenija: 03.05.2013).
27. *Fadeeva L.A.* Protivorechivoe soobshhestvo: intelligencija, intellektualy, «obrazovannyj klass» // Vest. Perm. un-ta. Ser. Politologija. 2008. № 2(4). S. 30-45.
28. *Fishman L.G.* Ischezaet li moral'? // Vosstanie obrechennyh: zametki o politicheskoj logike post-Moderna // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk. 2011. Vyp. 11. S. 408-418.
29. *Fukujama F.* Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju. M. : AST : Ermak, 2004. 730 s.
30. *Fukujama F.* Velikij razryv. M. : AST ; Ermak, 2004. 474 s.
31. *Coleman J.S.* Vision of Sociology // Society. 1995. Vol. 32, № 1. P. 29-34.
32. *Huntington S.P.* Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. 51, № 2. P. 454-473.
33. *Putnam R. D.* Bowling alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 65-75.
34. *Thomson I. T.* The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital // Sociological Forum. 2005. Vol. 20, № 3. P. 421-448.